

Прошлое, настоящее, надежда (интервью с Максимом Лебедевым)

Лев Ламберов – Когда и почему ты решил заняться философией? Я знаю, что у тебя первое образование филологическое (ты филолог или лингвист?). Что подвигло перейти на философскую почву? В лингвистике обнаружились философские проблемы?

Максим Лебедев – Точкой, которая из методологии лингвистики привела меня к аналитической философии языка, стала концепция Сепира-Уорфа. В лингвистике она является методологическим изводом дескриптивизма, считающегося структуралистским направлением, но демонстрирующего специфический вид лингвистического абстрагирования – некоторое семантическое bracketing. В философии она повлияла на онтологическую относительность Куайна и конструктивистские онтологии Гудмена. Таков, вкратце, этот мост.

АФ вовсе не является настолько изолированной областью философии, как это принято считать представителями чуждых ей направлений. Практически нет такой области философии, где не мог бы быть применен аналитический метод. Но началась современная АФ как АФ языка, при этом у нее общий с феноменологией источник – Фреге. Теория знаков развивалась как теория знаковых систем, теория коммуникации, теория референции, и каждый из этих тематических регионов имеет отчетливое лингвистическое измерение. На мой вкус, чем точнее оно эксплицировано, тем лучше. Суть этого подхода выражена в двух аналитических аксиомах Даммита, в самом деле, составляющих ядро, методологический инвариант аналитического философствования: «Что отличает аналитическую философию, в ее разнообразных проявлениях, от других школ – это убеждение в том, во-первых, что философская теория мышления может быть получена через философскую теорию языка, и, во-вторых, что всесторонняя теория вообще может быть получена только таким способом».

Первую книжку по философии я прочел в 11 лет. Мы меняли квартиру, все книги были увязаны, доступны оставались лишь старые мамыны учебники, среди которых была книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (когда-то она была обязательным чтением по курсу

философии для студентов инженерных специальностей). Она ошибочно показалась мне более читабельной, нежели начертательная геометрия или сопромат. Прочитанное совершенно поразило меня, и понадобилось немало лет, чтобы осознать и глубину проблематики, и характер изложения, и уровень осмысления.

Конечно, все мы в 70-е годы читали «Критику чистого разума» и другие источники, которые можно было найти в ИФАНовском «Философском наследии». Когда в 9-м классе меня трогательно накрыло Сартром, то хотя бы некоторому пониманию «Бытия и ничто» способствовало, как я теперь понимаю, предварительное знакомство с Гегелем. (Есть старая политологическая примета: когда в России спокойно, вспоминают Канта, когда нет – Гегеля.) Таким образом, философия и лингвистика оказались для меня достаточно разведены к моменту выбора вуза (тем более, что речь шла бы только о философском факультете МГУ, в то время до неприличия заидеологизированном, последствия чего сказываются до сих пор). Впоследствии они логично соединились для меня. Я никогда не рассматривал свое движение как позиционирование себя по разным специализациям – философия, лингвистика, философия, различные направления в философии. Для меня это достаточно прямой путь – последовательный поиск наиболее аутентичного понимания природы языка.

Языком же я интересовался всю жизнь, хотя в последнее время центр моего внимания смещается скорее на проблематику познания и сознания. Исходная манифестация произошла, дорогие телезрители, когда бабушка впервые взяла меня в зоопарк. Она остенсивно указала на слона и произнесла:

- Смотри, Максимка, вот это слон.

Моя реакция была скорее нетривиальной. Я спросил:

- Почему?

Бабушка не поняла и переспросила:

- Что – почему?

Я не сумел тогда сформулировать, что именно имею в виду. Опять же, понадобилось немало лет, чтобы я смог это сделать. Я хотел узнать, почему именно это животное на четырех ногах, с большими ушами и хвостом вместо носа называется именно этим сочетанием четырех букв или звуков, или знаков, или называется именно этим знаком?

Не знаю, ближе ли я к ответу на этот вопрос сегодня, нежели тогда, когда глазел на слоновник Московского зоопарка. Но знаю, что в

поисках этого ответа я больше узнал о мире и о себе, чем занимаясь любой другой темой.

Л. Л. – Какой была «атмосфера» вокруг, когда ты получал филологическое образование? Когда познакомился с концепцией Сепира-Уорфа? Когда, собственно, произошло обращение к философской проблематике? Можешь коротко описать это время? Далее, какой была «атмосфера» вокруг, когда ты уже получал философское образование? Как считаешь, на тебя кто-то из тех, кто тебе преподавал, или из тех, с кем ты общался, оказал существенное влияние в научном плане? Кто был (и, может быть, сейчас является) твоим «высоким идеалом»? Чьи лекции ты до сих пор помнишь и почему?

М. Л. – В те годы мы были железными людьми, управлявшими стальными кораблями. Отделение структурной и прикладной лингвистики Иняза закрылось как раз тогда, когда я поступал, но мощности остались, и при желании можно было добрать нужные знания. У нас часто выступал будущий академик Юрий Сергеевич Степанов (http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=121343), работавший тогда, как и сейчас, в Институте языкознания АН, и многие преподаватели и аспиранты находились в круге его влияния. Очень большое влияние испытал и я. Философия языка Степанова мне сейчас кажется довольно своеобразной, но его книжка «Основы общего языкознания» до сих пор является для меня эталоном того, каким образом можно сделать книгу одновременно и монографией, и учебником, а параллельная ей «Методы и принципы современной лингвистики» действительно исчерпывает тему и вписывает постулаты Соссюра в очень широкий контекст. Степанов ввел в наш оборот очень много материала по философии языка, от Фреге, Рассела, Пирса, Якобсона (на мой взгляд, до сих пор недооцененного в качестве философа) до Куайна, Гудмена и Даммита. Это из того, что было интересно мне – другие с не меньшим энтузиазмом открывали для себя, например, философию языка Андрея Белого и Флоренского.

Возникла проблема источников. Чтобы записаться в Ленинку, нужно было направление от института. Членства в СНО (студенческое научное общество) для этого было недостаточно, и пришлось создать фиктивную бригаду политинформаторов для выступлений на подшефных предприятиях. Так я впервые прочел *Ways of Worldmaking* Гудмена. Понадобилось не более 20 лет, чтобы перевести ее и опубликовать. Попутно рухнул тоталитаризм.

Конечно, влияние Степанова было не единственным в Инязе. Там преподавали крупнейший специалист по дистрибутивно-статистическому анализу Анатолий Янович Шайкевич, основатель отечественной социолингвистики Александр Давидович Швейцер и многие другие лингвисты с собственными интересными позициями. Кроме того, значительная, если не бóльшая часть тогдашней лингвистики делалась вне университетов (а семиотика вообще была университетской лишь в Тарту), лингвисты охотно шли в отраслевые информационные НИИ, маловразумительные академические институты, научные библиотеки и т. п. Так, очень сильным был отдел семиотики ВИНТИ, где работали уже тогда легендарный Юлий Анатольевич Шрейдер http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D1%80%D0%B5%D0%B9%D0%B4%D0%B5%D1%80,%D0%AE%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%90%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87 (впоследствии – Институт проблем передачи информации АН), матлингвист Михаил Викторович Арапов (впоследствии – Институт системного анализа АН); лидер отечественных исследований по лексической семантике и безкоризненный структуралист, ныне академик РАН Юрий Дереникович Апресян трудился в НИИ Информэлектро, и т. д. Эти люди были заметны в научной жизни, активно печатались, в том числе в «Вопросах языкознания» и «Известиях ОЛЯ», их работы обсуждались, но главное – они предпринимали реальные попытки формализации и моделирования естественных языковых процессов.

Но самое главное – для всех нас это была эпоха Хомского. Идеи трансформационной и порождающей грамматики обладали необъяснимой притягательностью для самых разных людей. Возможно, это стало для меня своеобразной прививкой, причиной, по которой я долгое время не мог внимательно прочесть Дэвидсона.

Первая солидная статья у нас о Хомском появилась в 1972 году в «Вопросах философии». Я не очень понимаю твою настойчивость – *когда* я начал интересоваться философией? А как можно ей не интересоваться? В конце концов, лингвистика конституировалась как самостоятельная дисциплина лишь в конце XIX века, а до того была частью логики, а логика – более или менее частью философии. А первым в Европе специальным сочинением по лингвистике считается «Кратил», так как действительно содержит подробный семантический анализ. Но дело скорее в том, как мне представляется, что мы не встречаем в ходе

исследования языка таких проблем, которые не могли бы без натяжки быть помыслены как философские. Поэтому лучше точнее знать, с чем имеешь дело, решил я и получил более специальное образование. Тем временем отменили идеологию, и появился Университет РАО, где на философском факультете читали в основном сотрудники ИФАН. Деканом был Алексей Георгиевич Барабашев, профессор МГУ (сейчас декан факультета управления в Вышке), специалист по философии математики. У него я стажировался на мехмате. До сих пор, выступая на конференциях, я с непрекращающимся изумлением констатирую, что математики понимают меня лучше, чем лингвисты, идет ли речь о следовании правилу или об IF-семантике Хинтикки. Я-то их понимаю не очень, но это всегда интересно.

В УРАО я встретил много замечательных людей; аналитической философией там занималась Марья Семеновна Козлова, а руководителем моей магистерской и кандидатской стал Аркадий Леонидович Блинов, работавший в секторе логики ИФАН и читавший в УРАО логику. Он достаточно четко поставил меня на аналитические рельсы, приобщив, таким образом, к новосибирской рецепции АФ, до недавнего времени бывшей основной у нас в стране. Следовательно, Виталий Валентинович Целищев повлиял на меня как опосредованно, так и, в дальнейшем, непосредственно.

Наиболее запомнившейся мне стала лекция Александра Леонидовича Никифорова, уже в аспирантуре, о теориях истины. Она запомнилась своей первой фразой: «Истина есть соответствие мысли своему предмету, тут нечего размышлизмы размышлять». Как оказалось, это был некоторый абстракт последовавшего рассказа о преимуществах корреспондентной теории над когерентной и прагматистской.

В начале 90-х, во времена больших ожиданий, казалось, что отечественная философия теперь перестанет быть изолированной от мировой. Однако посконный догматический забор не поторопился обрушиться вслед за железным идеологическим занавесом. Мы с вами, дорогие телезрители, работаем, чтобы сделать ситуацию более цивилизованной, но надо быть готовыми к тому, что на это потребуется гораздо больше времени, чем для этого нужно.

Наконец, тюнинг я прошел у Ричарда Фумертонна на fellowship в Университете Айовы. Не разделяя многих его положений, я очень многому у него научился в профессии – в частности, тем навыкам и нюансам, которые нужны, чтобы аналитическое обсуждение строилось максимально продуктивным.

Л. Л. – Расскажи, пожалуйста, более подробно о стажировке под руководством Фумертонна. А до этого ты ведь еще был в Индиане? Что было там?

М. Л. – Мы с Ричардом вели семинар по философии науки. Фактически он строился как эпистемологический. Ричард тогда писал свою четвертую книжку, мы обсуждали его материалы, он приносил драфты глав аспирантам, мы иногда их обсуждали. Конечно, это счастье – работать в такой ситуации. Именно Ричард обратил мое внимание на то, что некоторые мои аргументы в пользу когерентистской теории значения могут быть адресованы не столько теориям истины, сколько теориям обоснования.

В Айове я познакомился с людьми, учившимися у Густава Бергманна. Для меня важна была возможность не столько прикоснуться к истокам (говорят, в Кембридже до сих пор показывают следы от кирпичей, которыми Пирс кидал в свою жену), сколько научиться чему-то у людей, учившихся у него. Чем длиннее последовательность «научиться чему-то у X, учившегося у Y, учившегося у Z, и т. д.», при том, что у меня есть представление о концептуальных схемах Y, Z и т. д., тем богаче когнитивная возможность, предоставляемая мне таким образом.

В Университете Индианы я стажировался в School of Education и готовил программу по критическому мышлению для Минобраз. С этого началось непростое шествие этого предмета по нашим образовательным просторам.

А в Индиане я нашел следы знаменитого утописта Оуэна. Социалистическая коммуна New Harmony, о которой мы читали в школьных учебниках истории без дальнейшего уточнения местоположения, находится именно там и существует до сих пор.

В Университете Индианы, Блумингтон, очень мощный семиотический центр, возникший вокруг исследований Пирса. Там было подготовлено каноническое издание, о котором Якобсон сказал, что если бы это было опубликовано прижизненно, то все развитие наук о языке пошло бы иначе. На философском работали хорошо известный логикам Майкл Данн, Анил Гупта – автор ревизионной теории истины, также, на мой взгляд, реализующей Пирсову модель познания; Джон Барвайз в то время возглавлял и философский, и компьютерный факультеты, фундируя таким образом семантику ролевых установок. Компьютационные интуиции являются конституирующими для мистики

этого института. Недавно я был в Блумингтоне на конференции NASAP. Там все так же роцца зеленеет.

Л. Л. – Какую свою публикацию ты уже смело можешь отнести к философским работам? Как ты оцениваешь ее сегодня? Согласен ли с положениями, высказанными в ней, сейчас? Если твои взгляды изменились, то в какую сторону и почему? Какими были твои научные интересы изначально?

М. Л. – Это [«О метаязыковом статусе концепции значения как употребления»](#) – доклад на секции философии языка Обнинской конференции по логике, методологии и философии науки в 1995. Три страницы густой конструктивистской онтологии. Согласен ли я сейчас с положениями, высказанными в нем? А согласен ли я с «Войной и миром» или «Гамлетом»? Аналитический философ оценивает текст прежде всего по красоте и изяществу аргументации. На мой взгляд, красота заключается в сложности и стройности рассуждения, а изящество придает уместные абдуктивные ходы. Сейчас я не написал бы так просто. Я написал бы еще проще.

Юрий Анатольевич Шичалин (возвращаясь к запомнившимся мне лекциям) любил говорить о мистике института и об институциональном подходе. Его иерархия способов институционализации выглядела так: алфавит-свиток-кодекс-книгопечатание-компьютерные технологии. Здесь возможна и такая, например, иерархия, в духе логического мистицизма: мистика института (в данном случае ИФАНа) как *genius loci* – мистика институционализации – мистика должности, места, занимаемого в той или иной институциональной системе – мистика метареференции, т. е. мистика самого принципа институциональности. Представляется ясным, что интендируемые этими двумя описаниями онтологии различаются по статусу. Очевидно, далее, что тем самым интендируются онтологические иерархии, представляющие собой метаонтологии.

Мои взгляды и интересы развиваются самым классическим образом – каждое изменение в парадигме включает в себя предыдущую картину как частный случай. Таким путем достигается на определенном этапе некоторая степень агентивной свободы: автопозиционирование становится как-то иррелевантным. *No guru, no method, no teacher.* Возникают другие регулятивы. Эволюция чьих-либо представлений, отрефлектированных или нет, о когнитивном субъекте неизбежно связана

с реструктуризацией социальных и коммуникативных ролей, с которыми он себя идентифицирует.

Л. Л. – То есть, ты хочешь сказать, что в твоих текстах важнее аргументация, а не сама обосновываемая позиция? Таким образом, ты можешь аргументировать в пользу чего угодно, лишь бы аргументация была красивее, стройнее, строже? Мне это напоминает философскую шутку про Дж. Каца: Кац аргументирует, что р, говоря: "Я знаю 17 аргументов в пользу р и лишь 4 аргумента в пользу не-р. Следовательно, р".

М. Л. – Дело не в количестве аргументов. В принципе, имея пару фундаментальных аргументов, можно построить множество деривационных. Дело, на мой взгляд, именно в красоте, стройности, строгости аргументации. Именно они обеспечивают принципиальность обосновываемой позиции. С «чем угодно» этого не будет. В АФ аргументация является конституирующей. Для того, чтобы содержательно ответить на вопрос «что?», надо ответить на вопрос «как?» (http://www.facebook.com/#!/permalink.php?story_fbid=214132145267150&id=100000608809785).

Л. Л. – Говоря о своей первой философской публикации, ты рассуждал о том, как философ-аналитик оценивает тексты. Сам ты идентифицируешь себя как философа-аналитика?

М. Л. – Я себя и как философа не идентифицирую. Я последний романтик в этой лавке старьевщиков.

Я уже говорил об этом. Попробую сказать иначе.

Достаточная методологическая последовательность приводит к тому, что на определенном этапе тексты, которые ты пишешь, перестают однозначно классифицироваться по тому или иному направлению. Это обретение определенной индивидуальности, не идентифицирующейся с теми или иными парадигмами. Для меня это, конечно, аналитическая индивидуальность – в том отношении, что мои тексты, вероятно, будут аналитическими, о чем бы я ни писал. Но я вряд ли стану писать о чем-либо с целью написать аналитический текст.

Л. Л. – Теперь перейдем к твоим взглядам (как бы ни была важна аргументация). У тебя есть несколько крупных работ, рассмотрим их по

порядку. Вкратце, какова центральная идея твоей книги "Стабильность языкового значения"? Не так давно она была переиздана по предложению издательства, они как-то объяснили, почему решили сделать переиздание?

М. Л. – Эту центральную идею можно сформулировать, например, метаметодологически: удовлетворительная теория языка должна объяснять две конститутивных дихотомии –

- синхрония/диахрония;
- дискретность/континуальность.

Исходным был вопрос – какие факторы обеспечивают неизменность употребления языковых знаков в одном и том же значении и каково соотношение этих факторов? Я строил типологию стабилизаторов значения по параметрам статика/динамика и внешний/внутренний по отношению к языку. От последнего параметра я впоследствии отказался (как и от самой идеи семантически открытого/замкнутого языка), как от не слишком релевантной в отношении естественного языка, в пользу более фундаментальной дистинкции прерывности/непрерывности языковых единиц и процессов различных уровней, обеспечивающих реализацию принципа композициональности.

Книжку переиздали потому, что на сайте УРСС ее продолжали спрашивать.

Л. Л. – Расскажи о следующей книге – «Онтологические проблемы референции». Эту работу ты подготовил совместно с А. З. Черняком, кто и какой вклад внес? Кому вообще принадлежит идея этой книги? Как строилась работа над материалом? И конечно, в чем вкратце заключается основная идея данной книги?

М. Л. – В 90-е годы мы довольно тесно общались с Лешей, и он временно переключился с феноменологии на АФ. Идея возникла у меня как раз в Айове, когда обилие материалов начало во что-то складываться. Книжка была написана довольно быстро, летом 99-го мы обменивались целыми кусками по почте.

Задачей было показать, почему теория референции может являться удовлетворительной теорией значения и какой она должна для этого быть, т. е. какие элементы она должна в себя включать и каким образом. Как мы можем выделить онтологически корректные критерии

референциальности? Мне хотелось найти соответствие принципа онтологической относительности (с которого мы начали это интервью) необходимому для корректной аналитической теории требованию онтологической нейтральности. Куайн использовал для этого подстановочную интерпретацию экзистенциального квантора (впервые я поднял эту тему еще в магистерской, а до того об этом писали новосибирские авторы), при которой не принимаются никакие онтологические обязательства *per se*, но и не устраняется возможность принятия таких обязательств – тогда никакой аргумент не угрожает возможности использования подстановочной квантификации онтологически нейтральным способом. Кстати, Лев, именно это позволяет приписать Куайну дефляционизм в его дисквотационной версии. А поскольку референциальные системы описания имеют четко очерченную онтологию, то вопрос об интерпретации семантического аппарата отсылает здесь к признанию связи успешности референции с истинностью референциальных высказываний (как мне тогда казалось). Для этого была выстроена не самая простая аргументация в пользу возможности решать проблемы референции в пределах достаточно чистой онтологии, основанная на различении метафизического и истинностного реализма. Все решалось, таким образом, позитивно. Были выделены собственно критерии референциальности, объемлющим признавался критерий поддержки системой референций, а истинность пропозиций, согласно нему – соответственно, когерентной.

Нужно было увязать это с конвенциональностью значений. Чтобы референт термина мог считаться определенным, члены языкового сообщества должны разделять некую конвенцию, в рамках которой определенные способы индивидуации связывают термин с объектами в мире и с опытом индивидов. Здесь пригодился разрабатываемый мной в предыдущей книжке динамический подход, усвоенный в лингвистике. Ясно было, что это должна быть каузальная референция. Однако известные теории такого рода (Доннелан, Крипке, Патнэм) сталкивались с определенными проблемами. Поэтому я предложил теорию процессуально-каузальной референции, объясняющую, каким образом языковая конвенция устанавливается и поддерживается: референции передаются при взаимодействии двух индивидуальных языков, подобно идее Сэлмона о пересечении теорий, и в итоге осуществляются посредством опоры на другие референции той же системы, из которых состоит каузальный процесс. Рассмотрение индивидуального языка как процессуально понимаемого идиолекта позволяет построить такое

понятие каузальной релевантности, использование которого в каузальной теории референции дает возможность развивать онтологически нейтральную содержательную теорию значения.

Л. Л. – Я так понимаю, твоя книга «Эпистемологические основания условие-истинностной концепции значения» отражает основные идеи твоей докторской диссертации. В чем они заключаются?

М. Л. – Да, отражает. Сейчас она должна появиться (май 2011) в переработанном (надеюсь, более доходчивом) и дополненном виде под названием «Значение, истина, обоснование», где выходит за эти пределы.

Исходные вопросы исследования были таковы.

1. Насколько органично для УИКЗ требование онтологической нейтральности? Насколько оно выполнимо?

2. Могут ли быть применены в УИКЗ теории истины различной формы? Изменится ли от этого суть УИКЗ?

3. В каком отношении условия истинности высказывания, обсуждаемые как его значение, могут выступать условиями его обоснования?

4. Каково соотношение роли истинности и обоснованности в структуре языкового значения? С чем это связано и что отсюда следует?

Я думаю, что ключевые идеи УИКЗ сами по себе не приводят к удовлетворительному объяснению феномена владения языком: знание значения предложения не может сводиться к знанию его условий истинности, так как есть предложения с неопределенными условиями истинности. Мы не можем положить в основу теории значения понятие истинности, интерпретируемое в смысле объективных условий истинности; в противном случае значение становится эпистемически недоступным. Семантика Дэвидсона должна была стать онтологически строгой теорией, но искомая строгость в отношении онтологических обязательств теории не была достигнута: поскольку УИКЗ Дэвидсона претендует на то, чтобы быть именно *теорией значения для естественных языков*, постольку всякий раз, когда она пытается объяснить, каким образом она может объяснить понимание выражений этих языков, она сталкивается в числе прочих и с онтологическими проблемами.

Условие-истинностная теория значения была рассмотрена как ограничения, накладываемые на семантическую/истинностную

относительность и сопоставимые с ограничениями, накладываемыми на онтологическую относительность. Главные из таких ограничений касаются, во-первых, зависимости истины от сознания и, во-вторых, реализма, т. е. онтологических обязательств истинных утверждений и утверждений об истинности. Для этого были использованы две дистрикции: между носителями истины и истинностными факторами и между метафизическим и алетическим реализмом. Требования бивалентности и трансцендентности истины характерны для метафизического реализма, но не для собственно реализма относительно истины. Для последнего существенным является признание возможной независимости от сознания истинностных факторов (например, фактов), которое еще не влечет за собой онтологических требований о том, к какого рода вещам отсылает высказывание, или о том, каким способом существуют эти вещи. На основе различия метафизического и алетического реализма можно сформулировать требование онтологической нейтральности, предъявляемое к семантической теории: теоремы условие-истинности теории значения не являются метафизическими или экзистенциальными утверждениями, т. е. Т-предложения не должны быть интерпретированы как содержащие онтологические обязательства относительно тех состояний дел, к которым они отсылают.

Возможность применения в УИКЗ различных теорий истины была рассмотрена по трем критериям:

- функциональная пригодность, т. е. способность служить теорией значения,
- удовлетворение требованию онтологической нейтральности и
- редуцируемость результатов применения данной теории к результатам применения других теорий.

Рассмотрение теорий истины в порядке возрастания их пригодности к использованию в УИКЗ свидетельствует, на мой взгляд, что объемлющей в этом отношении является когерентная теория. Этот результат показывает, что попытка последовательного проведения требования онтологической нейтральности в когерентной теории оставляет нас не столько с когерентной теорией истины, сколько с когерентной теорией обоснования знания, поскольку в таком случае нас могут интересовать не

столько отношения наших утверждений к миру, сколько причины, по которым мы поддерживаем именно эти убеждения. Систематический анализ дистинкции между истинностью и обоснованностью знания применительно к естественному языку раскрывает позицию, согласно которой наши истинные убеждения должны базироваться на достаточно серьезных основаниях, чтобы быть удостоверяемы как знание.

Мы можем придерживаться когерентного подхода к обоснованию, однако постольку, поскольку мы используем его для анализа языковых значений, мы не можем игнорировать то соображение, что некоторые утверждения – такие, как перцептуальные – могут быть непосредственно обоснованы чувственно воспринимающим их субъектом, знающим их «по знакомству». Это прежде всего утверждения о реальной действительности, которые представляются нам заслуживающими доверия независимо от каких-либо аргументов в их пользу. Поэтому валидная когерентная теория обоснования может и должна дать теорию обоснования перцептуальных утверждений, отвергающую обвинение в произвольности и нередуцируемую к фундаментализму. Такая теория («требование наблюдения») может принимать форму ограничений, накладываемых на холистический подход к когерентному обоснованию – и это будет определять форму теории, связывающей значение и обоснование.

Таким образом, возможна концепция языкового значения, основанная на представлении об обосновании знания. Ранее о такой возможности упоминал Поллок. Согласно этой концепции, мы знаем значение предложения, когда можем обосновать убеждение, выражаемое этим предложением. Важно было показать, что это происходит не тогда, когда мы обладаем некоторым знанием о связи его пропозиционального содержания с элементами внешнего мира (мы можем понимать значение и без этого), но тогда, когда мы обладаем явным или неявным знанием причин, по которым мы принимаем и поддерживаем (или оспариваем, отрицаем и т. д.) выражаемое этим высказыванием убеждение. Условия истинности и условия обоснования не конкурируют в теории значения даже при том, что определяемые ими понятия могут совпадать экстенционально. Отсюда следует, что обосновательной концепции значения соответствует определенная теория референции – это процессуально-каузальная теория референции, которая объясняет установление референции в результате каузального взаимодействия идиолектов. Ее важным следствием является хорошо согласующийся с другими полученными в этой книге результатами вывод о том, что

обоснование значений языковых выражений проводится не относительно всей системы языка, но относительно некоторого его фрагмента. Развитие этого положения оказывается связано с представлениями о конвенциональности значений и приводит к наложению ограничений на холистический подход в пользу молекуляристской, как ее называет Даммит, позиции.

Отсюда также следует вывод о том, что моделирование значений при автоматизации семантической обработки текстов целесообразно проводить на двух взаимодействующих уровнях: относительно фиксированной базы данных (соответствующей множеству утверждений, не требующих дальнейшего обоснования) и относительно варьируемой (настраиваемой) базы знаний, способной подвергаться изменениям в ходе самого этого процесса. Тезис о том, что для моделирования языковых значений необходимо взаимодействие этих двух уровней, отражает главную идею этой книги – идею о том, что для представления значения необходимо определить как его условия истинности, так и условия обоснованности.

Л. Л. – Как возникла идея написать «учебник» по аналитической философии? Как строилась работа над этим текстом? Что удалось воплотить, а чего бы еще хотелось сделать (например, в будущем переиздании)?

М. Л. – Содержание – программа учебного курса, который я читал, например, в РУДН (<http://www.philosophy.ru/edu/cur/analyt.html>). Подвернулся соответствующий грант РГНФ, предполагавший коллективную работу. Я взял по главе из книжек Валеры Суровцева и Блинова (на просьбу переделать их для учебника они не откликнулись), по главе написали Леша Черняк и Сева Ладов. Борис Домбровский дал главу о Львовско-Варшавской школе – до того, как вышла, в переводе Поруса, соответствующая книга Яна Воленского, это была уникальная у нас попытка такой систематизации, да и по материалу уникальная. (Кстати, Борис применил там, хотя и не очень явно, семиотическую типологию Степанова – философия имени, философия предиката и философия прагматики, что вызвало негативную реакцию его коллег-логиков.) Остальные 2/3 первого варианта написал я сам. Эту черновую версию я разослал по своей рассылке, на наивный западный манер предлагая ее к обсуждению. Позитивным результатом стало участие Ярослава Шрамко, в итоге написавшего очень хорошую главу

«Аналитическая эпистемология». Отрицательным результатом стало то, что этот черновик тупо выложил у себя *нехороший* человек (*замена моя – Л. Л.*) Ихтик, откуда он и растекался по сети, в том числе и под чужими именами, в том числе и раздербаненный на «рефераты», лежащие и в платном доступе – например, на сайте km.ru, кстати, засудившем Мошкова за нарушение авторских прав. Далее РУДН потребовал сокращения до 30 листов, что я сделал в основном за счет своих глав. Отчасти они будут восстановлены в новом издании. В целом же, абстрагируясь от мутных ихтиозавров, следует констатировать, что учебник, конечно, свою задачу выполнил – многие люди, студенты и преподаватели, и просто любознательные читатели проявили к нему интерес и узнали из него много нового и увлекательного.

Время для второго издания, наверное, пришло – во всяком случае, читатель стал более подготовленным. Необходимые изменения я вижу прежде всего в двух направлениях. Во-первых, историко-философский и проблемный подходы в нынешнем тексте сочетаются неравномерно – для первой половины XX века это описание школ и персоналий, далее – тематические изложения. Мне хотелось бы продолжить проблематизацию, т. е. сделать тематические разделы – аналитическая метафизика, аналитическая теория познания, конструктивизм и т. д., а соответствующие историко-философские материалы, если понадобится, давать в их рамках. Во-вторых, нужны главы по аналитической этике, эстетике, философии истории, права и т. д.

Л. Л. – Над подготовкой какой/каких крупных работ ты сосредоточен сейчас? Какими идеями ты увлечен в настоящий момент? Какие аргументы разрабатываешь?

М. Л. – Скажем так, я перешел от философии языка к более общей философии информации. Для меня это вопрос о том, каким образом некоторой конструктивистской эпистемологии может соответствовать конструктивистская онтология, а это подразумевает достаточно широкий круг вопросов, от детерминизма до проблематики ИИ.

Раньше детерминизм интересовал меня прежде всего с точки зрения произвольности/непроизвольности языкового значения, теперь – более широко. Например, стандартный логический двухчастный аргумент против свободы воли выглядит так.

- (1) Истинен либо детерминизм, либо индетерминизм.
- (2) Если наши действия детерминированы, то мы не свободны.
- (3) Если наши действия являются индетерминированными, то мы не ответственны за них: это не наши действия.

Возможно уточнение:

(3а) Если наши действия непосредственно обусловлены случайностью, то они просто контингентны, и мы не можем быть ответственны за них.

(3а) использует вероятность (случайность), чтобы дать альтернативные возможности для адекватно определенного волевого акта, направленного на их оценку и выбор между ними.

Отсюда возникает двухэтапная модель:

1. беспорядочно генерированные альтернативные возможности являются сознанию как открытые и неоднозначные возможности будущего;

2. происходит волевой выбор, который является адекватно детерминированным и допускает одну возможность, преобразовывая неясное и открытое будущее в неизменное, неотчуждаемое и закрытое прошлое.

В таком понимании свобода воли основана на локальном детерминизме, призванном связать волевое намерение и материальное событие, и действительна лишь в том случае, если эта связь не случайна. Этот подход связан, помимо философии лингвистического анализа, с философией прагматизма, а в настоящее время – с философией информации (IACAP). С точки зрения последней, неубывание энтропии свидетельствует о невозможности классической детерминистской картины мира в пользу компатибилистской позиции, обнаруживаемой у классиков философии свободы. Она усиливается признанием наличия в мире нередуцируемых онтологических вероятностей.

Этот пример, в частности, показывает, каким образом применение категорий теории информации к классической философской проблематике может послужить ее дальнейшей формализации. Такой подход не вполне тождествен складывающейся Computing and Philosophy (Лучано Флориди), упоминавшейся выше; с другой стороны, эта

философия, не успев родиться, уже может вызывать скепсис в силу неоправдавшихся надежд кибернетиков-шестидесятников (к которым она относится, в конце концов, весьма косвенно). Тем не менее это направление мне нравится.

Л. Л. – Ты говоришь, что УИКЗ не всегда хороша, в том числе, потому, что в языке имеются предложения с неопределенным истинностным значением. Может быть, УИКЗ могут спасти идеи о неопределенности в духе Тимоти Уильямсона? Я имею в виду его аргументацию в пользу того, что неопределенные выражения имеют (правда, недоступные нашему познанию) пределы применимости. В конце концов, то, что мы не можем познать границу применимости термина «быть лысым», не означает, что этой границы нет. Или ты все же готов отказаться от классической логики (от принципа исключенного третьего)?

М. Л. – Спасать УИКЗ не нужно, она не явление. Ее никто не собирается отменять – даже Даммит и Райт, а я тем паче. Ее надо дополнять, потому что утвердительные предложения изъясительного наклонения – не единственное, что мы произносим, и во многих, в том числе критических случаях ими не ухватывается содержание. Есть и другие не менее важные причины, почему она должна быть дополнена, я их перечислял в книжке. Подобное дополнение может быть не только экстенциональным, с помощью теории обоснования или релайабиллизма, но и подразумевающим переосмысление: так, меня привлекает возможность помыслить неопределенность как недоопределенность – восходящая, например, к Ингардену. В предложенной тобой постановке я сказал бы, что недоопределенность – вопрос не соритов, а интенций. Помоему, значение (по крайней мере, естественного языка) лучше ухватывается в терминах обязательств, commitments, нежели истинностной проводимости, truth-conduciveness.

Ингарден описал ситуацию так: «В Геттингенской философской атмосфере, повлиявшей на Гейзенберга, были значимы в это время «Идеи чистой феноменологии» Гуссерля. Гуссерль был первым, кто при анализе опыта указал на существование некоторых неопределенностей в том, что дано в опыте как соответствие конечного множества опытов. Позже я пытался охарактеризовать содержание чисто интенционального предмета, в противовес реальным предметам, через существование мест недоопределения (См. *Das literarische Kunstwerk*, 1931). Когда зимой

1927/28 я писал эту книгу, то не имел понятия, что из отношения Гейзенберга могут следовать ситуации, которые очень наглядно напоминают «места недоопределения» интенциональных предметов.» Это – из третьего тома «Спора», изданного посмертно, где соотношение польского и немецкого текстов не вполне ясно (по крайней мере, мне). В немецком Ингарден всегда использует Гейзенбергово «Unbestintheitsstelle», в польском возникает «nieokreslennosz – niedookreslennosz»; удивительный анализ этого понятия содержится в III томе. «Niedookreslennosz» появилась в польском АФ-обиходе в 1970-е под влиянием опять-таки Оксфордского обыденного языка (я пока не уверен). Отвлекаясь от этих тонкостей, я вижу различие между неопределенностью и недоопределенностью прежде всего в том, что первое – статичное понятие, констатирующее наличное положение дел, тогда как второе – динамичное, конструктивистское, указывающее если не на направление движения, то, по меньшей мере, на его необходимость. Это, в частности, ответ на вопрос о принципе исключенного третьего – конструктивистская логика в нем не нуждается. Хотя я не пользуюсь такими категориями, потому что – опять гну свое – этот принцип бедноват для применения к естественному языку. Скорее тогда здесь следовало бы говорить о принципе бивалентности истины – но в таком случае ситуация становится еще более очевидной. Необходим ли он хотя бы для корреспондентной истинности? Можно показать, что нет.

Л. Л. – И заключительные, традиционно «романтические» вопросы. Такая ситуация: тебя попросили ответить на «философские» вопросы (в данном случае под философскими вопросами понимаются такие вопросы, которые считаются философскими людьми, никак не связанными с философией; «В чем смысл жизни?», например). Причем тебе необходимо ответить на эти вопросы в максимально популярной форме. Тем не менее, ты сам можешь выбрать, на какие вопросы отвечать. На какие «философские» вопросы ты бы ответил и как?

М. Л. – Для хороших людей у меня всегда есть хорошие ответы на любые вопросы. Самый такой философский вопрос придумал, конечно, О.Генри: зачем существует на свете полисмен? А мы теперь в свете накопленного опыта можем ответить: чтобы не все такие люди непременно были милиционерами. Такие ситуации возникают, конечно, сплошь и рядом, и думаю, что отвечать на эти вопросы надо как-то серьезно и жизнеутверждающе. Возможно, это единственная жизненная

ситуация, где нет места черному юмору. Как бы трудно это ни было. Если тебя спрашивают, когда конец света, говори: звонил в Москву – говорят, не будет вообще. У них даже горячую воду теперь только на две недели отрубают, а не на три. Если спрашивают, есть ли Бог, отвечай: не вопрос, я Его вчера видел. В чем смысл жизни – в ее истинном вкусе. А люди по судьбе встречаются? И встречаются, и расстаются. А кто был самый великий философ? Философы считают, что он еще не родился. А мы одни во Вселенной? Никто и никогда не один. Если нет субъект-объектных отношений, всегда найдутся субъект-субъектные. Почему слово «слон» обозначает вот это странное животное? Бери салфетку, рисуй треугольник Фреге. Если собеседник повелся – гексаграмму Якобсона.

Не уклоняйся ни от каких вопросов, в нашей профессии все помогает, это я тебе как врач говорю. В глаза смотри честно и прямо. И не дай тебе твой вотяцкий божок соврать хоть в малости.

Л. Л. – Как ты определяешь для себя философию и вообще то, чем ты занимаешься (раз уж ты сказал, что и философом себя не считаешь)? Что такое, по твоему, аналитическая философия? Каким ты представляешь себе будущее философии вообще и аналитической философии в частности?

М. Л. – Я же просил тебя не превращать это интервью в балаган. Напомню телезрителям, как возник сам термин «философия» – когда тиран назвал Пифагора мудрецом, а это определенный античный статус, тот скромно заметил, что не считает себя мудрецом, а всего лишь любит мудрость, стремится к мудрости. В твоих вопросах, Лев, отчетливо сквозит понимание профессии философа как социальной роли. Но в таком случае то, кем меня считают люди, на какое имя у меня наиболее полный комплект документов, важнее, нежели то, кем себя считаю я. А по мне, чем меньше социальных ролей, тем лучше. Для меня философия – это способ идентификации себя в окружающем мире. Причем, что характерно, такое определение может быть выражено в терминах, наверное, любого философского направления (во всяком случае, из известных мне). Такой GPS-теорией для меня стала АФ, остальные рядом с ней Глонасс. Есть инструментальное определение АФ, которое ты, видимо, уже сделал классическим – изгнание метафор из аргументации. Я в последнее время нащупываю, возможно, важную переформулировку – прослеживание любого тезиса до онтологии индивидуального события. Это

такой вид исчисления, уравнения которого должны кончаться =1, без того, чтоб единицу можно было автоматом списать налево и поставить минус в ведомости. Ведь построить его на самом деле несложно. Но очень важно. И у философии столько будущих, сколько будет существовать единиц.

Само понятие «аналитическая философия» можно признать, наверное, достоянием культуры прошлого века. Аналитический метод сегодня пронизывает все тематические регионы философии, а сопротивление ему ведется по паратеоретическим причинам. Я связываю это с информатизацией социумов, с изменением форматов выражения и обсуждения мнений, с переходом от философии языка к философии речи – или, точнее, информации. Философия языка никоим образом не дезауируется – она дополняется. Ведь это лишь очередная ступень на бесконечной лестнице.

Для АФ в России, находящейся в фазе своего очень трудного становления, сейчас на первом месте простая профессионализация. Не надо считать себя аналитическим философом на том основании, что ты перевел и откомментировал несколько текстов классиков. Откопанные архивы Витгенштейна, возможно, дадут нам новый сезон институционализированной поросли. Переводы очень важны, этот хлеб горек и щедр, но АФ – это ДРУГАЯ специализация. Тот, кто стоял у станка, кто своими руками ковал теорию, никогда ни с чем это не спутает. Не знаю, насколько это различимо со стороны, но ведь обманывать себя еще хуже, чем телезрителей. Хотя и то, и другое равно скверно.

Я понимаю тебя, тебе трудно, потому что ты говоришь непривычные для своего факультетского окружения вещи, и люди сомневаются – а о чем вообще речь. Я через все это прошел и затосковал с нездешнею силой. Но сегодня мы с тобой уже говорим о создании *нормативной среды*.

Только теория.